

Опыт первых выборов был учтен и использован в ходе последующих выборов в Государственную думу. Кандидаты и их партии активно задействовали легальные издания для пропаганды своих программ. Следует отметить, что вывод кадетов о сочувствии их партии со стороны избирателей в Иркутске и губернии был опровергнут. На выборах 1907 г. и 1912 г. победу одержали представители социал-демократов — меньшевики Т.О. Белоусов и И.Н. Маньков, хотя они и не являлись лучшими представителями своей партии.

Список использованной литературы и источников

1. Кудряшов В. В. Первые выборы в Государственную думу в Иркутске (1906–1907 гг.) / В. В. Кудряшов // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. — Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. — С. 331–339.
2. Иркутские губернские ведомости. — 1906–1907.
3. Молодая Сибирь. — 1906.
4. Сибирская заря. — 1907.
5. Сибирское обозрение. — 1906.
6. Сибирь. — 1907.

Информация об авторе

Кудряшов Василий Васильевич — кандидат исторических наук, доцент, заведующий базовой кафедрой истории, педагогики и психологии, Братский государственный университет, 665709, г. Братск, ул. Макаренко, 40, e-mail: vas60kud@mail.ru.

Author

Vasily V. Kudryashov — Ph.D. in History, Associate Professor, Head of the Chair of History, Pedagogic and Psychology, Bratsk State University, 40 Makarenko St., Bratsk, 665709, e-mail: vas60kud@mail.ru.

УДК 347.99(470)(091)
ББК 63.3(2)

Т.Л. КУРАС

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX ВЕКА (на примере судебных палат)

Судебные уставы 1864 г. провозгласили демократические принципы правосудия, в том числе независимости суда от администрации и несменяемости судей. При этом суд стал опережать в развитии основные политические институты самодержавия и вступать в противоречие с абсолютной монархией. Во избежание разрушения основ существовавшей формы правления власть ограничила основные принципы и институты судебной реформы, в том числе принцип независимости судей.

Ключевые слова: судебные палаты, судебная реформа, независимость судей.

QUESTIONS OF REALIZATION OF THE PRINCIPLE OF JUDICIAL INDEPENDENCE IN POST-REFORM RUSSIA IN THE SECOND HALF OF XIX — EARLY XX CENTURIES (on the example of trial chambers)

The judicial statutes of 1864 proclaimed the democratic principles of justice, including the principle of judicial independence from the administration and the tenure of judges. The Court began to outpace the development of the main political institutions of autocracy and conflict with the absolute monarchy. The basic principles and institutions of the judicial reform, including the principle of judicial independence, were limited in order to avoid the destruction of the foundations of existing forms of government.

Keywords: trial chambers, judicial reform, judicial independence.

Середина XIX в. была сложным периодом для России. Правительство Александра II понимало необходимость проведения реформ, одной из наиболее значимых должна была стать судебная. Система дореформенных судов была сложной и запутанной, существовало множество судебных инстанций и форм процесса, рассмотрение дел зачастую тянулось годами, большинство судей были малограмотны и зависимы от администрации, дела рассматривались в закрытых заседаниях. Необходимость проведения судебных преобразований ни у кого не вызывала сомнений [5, с. 77–78; 9, с. 134]. 20 ноября 1864 г. были приняты «Судебные уставы», они провозгласили демократические принципы правосудия: равенства всех перед судом, независимости суда от администрации, несменяемости судей, гласности, устности, состязательности, презумпции невиновности, право обвиняемого на защиту и другие. Была введена стройная система судебных органов с четкой компетенцией, создавались две группы судов: мировые и общие. К общим относились окружные суды, судебные палаты и Кассационные департаменты Правительствующего Сената. Институт мировых судей предоставлял доступ к правосудию всем слоям населения, они рассматривали мелкие гражданские и уголовные дела. Окружные суды рассматривали по первой инстанции гражданские и уголовные дела, неподсудные мировым судьям и не отнесенные законом к ведению судебных палат. Палаты выступали апелляционной инстанцией для дел, рассмотренных окружными судами, также к их ведению относилось рассмотрение по первой инстанции дел о государственных и должностных преступлениях. Сенат являлся высшим судебным органом страны. В целях реализации реформы территория империи была поделена на судебные округа, возглавляемые судебными палатами. Проведение реформы началось в 1866 г., когда были открыты Санкт-Петербургская и Московская

судебные палаты и суды их округов. Затем в период с 1867 по 1871 г. были открыты Харьковская, Тифлисская, Одесская, Казанская, Саратовская палаты, в 1876 г. — Варшавская, в 1880 г. — Киевская, в 1883 г. — Виленская, в 1897 г. — Иркутская, в 1899 г. — Омская и Ташкентская, в 1904 г. — Новочеркасская [14, с. 309–310]. Таким образом, образование судебных палат в рамках реформы 1864 г. завершилось к началу XX в. [8, с. 26–33].

Составителями Судебных уставов независимость суда от администрации представлялась необходимым условием реализации судебной реформы. В соответствии с положениями данного закона надзор за нижестоящими судами осуществляли вышестоящие, судьи оградялись от возможного давления со стороны администрации. К установленным гарантиям относилось, в частности, пожизненное назначение судей. Также в соответствии со ст. 243 Учреждения судебных установлений судьи не могли быть переведены в другую местность без их согласия. Кроме того, закрепленный в Судебных уставах механизм реализации принципа независимости судей позволял обеспечить их профессиональное, этическое поведение. В законе были урегулированы порядок, условия и ограниченный круг оснований увольнения судей на основании решения коллегии судей. Была закреплена и дисциплинарная ответственность за проступки на службе и вне ее, соответствующие вопросы разрешали сами судебные органы в лице вышестоящих инстанций. Однако отметим, что в силу того, что в Российской империи была абсолютная монархия, отсутствовал принцип разделения властей, принцип независимости судей не мог быть реализован в чистом виде. Одной из особенностей организации пореформенного суда являлось то, что Министр юстиции одновременно являлся и генерал-прокурором Сената. Он осуществлял организационное руководство всеми судами и одновременно возглавлял систему прокуратуры, у которой в силу ее специфики всегда был обвинительный уклон. Но в целом законодатель в Судебных уставах проводил последовательную политику на закрепление и реализацию принципа независимости судей.

В первые годы проведения судебной реформы подавляющее большинство членов судебных палат самоотверженно работали на благо государства и общества, проводя в жизнь демократические принципы правосудия. При этом многие из них не ограничивались добросовестным выполнением служебных обязанностей. Они участвовали в различных общественных, благотворительных и иных подобных организациях, осуществляли преподавательскую деятельность, принося еще большую пользу. Также представители палат поддерживали деятельность учебных заведений, занимались преподавательской деятельностью, передавая молодому поколению накопленные знания и опыт [12, с. 16–20]. Они демонстрировали активную жизненную позицию, способствовали повышению авторитета судебной власти и практической реализации

прогрессивных идей, строго соблюдая нормы закона о независимости суда от администрации.

В целом провозглашение и реализация принципа независимости судей в пореформенной России было очень серьезным шагом, который не мог не повлиять на дальнейшее развитие российского общества. С введением судебных уставов в России суд стал опережать в своем развитии основные политические институты самодержавия и вступать с ними в противоречие. Независимость и несменяемость судей, подчинение их только закону противоречили абсолютистской форме правления, где царь располагал неограниченной законодательной, исполнительной и судебной властью, а губернаторы являлись хозяевами губерний. Непоколебимость основ государственности, которые не должны были измениться в связи с введением новых судов, оказалась иллюзией, это была недооценка суда со стороны правительства. Суд, наделенный независимостью, в определенной степени обособился от других органов государственной власти. Была создана самостоятельная и независимая судебная власть. Самодержавие планировало реформировать судебную систему без изменения государственного строя. Однако, стремясь избежать превращения России в конституционную монархию, самодержавие само вступило на этот путь, в этом заключалось противоречие, которое породила реформа, оно впоследствии обострялось, захватывая всю государственность в целом [15, с. 51–52, 65–68].

В результате того, что суды, в том числе судебные палаты, не оправдали ожиданий самодержавия, на фоне подъема общественного движения в 1870–1880-х гг. была проведена так называемая контрреформа, в результате которой были ограничены основные принципы и институты судебной реформы, в том числе принцип независимости судей.

Так, 20 мая 1885 г. был принят закон «О порядке издания общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства», ограничивший несменяемость судей. В соответствии с данным законом судья мог быть уволен за упущения по службе, которые «хотя и не влекут удаления его от должности по суду, но... свидетельствуют о несоответствии виновного в них судьи занимаемому положению» и за «противные нравственности и предосудительные поступки» вне службы. Судья, давший «основательный повод сомневаться в дальнейшем спокойном и беспристрастном исполнении им своих обязанностей» мог быть переведен в другую местность империи. Для рассмотрения таких дел было учреждено Высшее Дисциплинарное присутствие Сената. Ему были подведомственны дела об увольнении и переводе судей по данным основаниям по представлению министра юстиции [2]. Отметим, что на практике власть довольно часто использовала институт перевода судей в другую местность. Так, за короткий период времени в должностях членов судебных палат успевало отрабо-

тать большое число лиц. Анализ приказов о назначениях и перемещениях по ведомству министерства юстиции за период с 1896 по 1917 г., опубликованных в «Журнале Министерства юстиции», позволяет установить, что перемещения осуществлялись весьма часто. К примеру, в составе Санкт-Петербургской судебной палаты за этот период в должностях членов палат, прокуроров и их товарищей работало более 200 человек, в Харьковской — более 150, в Варшавской — более 130, в Московской и Саратовской — более 100, в Одесской и казанской — более 80, в Иркутской — 60 [10, с. 59]. При этом, к примеру, Иркутская палата к 1897 г. состояла из 8 судей, прокурора и двух его товарищей [8, с. 77].

Верховная власть сама определяла состав Высшего Дисциплинарного присутствия Сената, круг сенаторов был небольшим, самодержавию было несложно воздействовать на него. Значимым фактором являлось и то, что данный орган рассматривал дела по инициативе администрации в лице министра юстиции, а не по представлению квалификационных коллегияльных судебных органов. Кроме того, указанные в законе 1885 г. основания отстранения судей от должности давали возможность их расширительного толкования. Затем законом 10 мая 1887 г. было реорганизовано Соединенное присутствие первого и кассационных департаментов Сената. К его полномочиям было отнесено предание суду чинов судебного ведомства и право делать замечания дисциплинарного характера судебным органам, если их решения будут признаны неверными. В этом также наблюдается отход от принципа независимости судей от администрации, поскольку первый департамент Сената являлся административным, а не судебным органом [15, с. 105–107].

В целом в 1870–1880-е гг. правительство предприняло серьезные шаги, направленные на то, чтобы суд перестал быть самостоятельным и независимым органом. К концу 1880-х гг. идея о полной независимости судебной власти утратила свое первоначальное значение [1, с. 627]. Так, в докладе старшего председателя Омской судебной палаты, оглашенном при открытии новых Омских судебных установлений 14 мая 1899 г., отмечалось, что судья, при всей своей компетентности, честном исполнении долга, независимости и самостоятельности, является государственным служащим, который, выполняя свою роль в поддержании жизнеобеспечения государственного аппарата, нуждается в помощи администрации и полиции и должен без замедления исполнять любое их законное требование [4, с. 55]. Здесь в соответствии с тенденциями этого времени просматривается непризнание разделения трех ветвей власти и отделения суда от администрации и полиции.

Для периода контрреформ было характерно и то, что Министерство юстиции стремилось, формально сохраняя нормы, провозглашавшие независимость судей, влиять на членов судов, используя механизм назначения на судебные должности, в частности, при замещении ва-

кантных мест в судебных палатах. Как было отмечено выше, власть зачастую по различным причинам перемещала судей из одного суда в другой. В таких ситуациях требовалось назначать новых лиц на открывшиеся вакансии. В ст. 213–215 «Учреждения судебных установлений» было закреплено, что кандидатов на открывшиеся судебные должности избирали и рекомендовали сами суды путем проведения общего собрания. Представления судебных палат о кандидатах поступали к министру юстиции, он представлял императору кандидатов, рекомендованных судом, а также других лиц, соответствующих требованиям. Таким образом, министр мог предлагать для назначения на должности членов палаты лиц, не рекомендованных палатой [8, с. 53–55]. Власть активно использовала данное полномочие, назначая на должности «угодных» им судей, что было обусловлено необходимостью самостоятельно определять состав судебных палат, влиять на деятельность которых было весьма важно для самодержавия.

К механизмам воздействия на судей можно причислить также присвоение им классов чинов и орденов. Система чинов имела официальное и общественное значение, являлась одним из важнейших средств организации государственной службы. Чины давались за службу в порядке постепенности, обозначали степень деловой подготовки, служили средством привлечения на государственную службу и стимулом при ее исполнении, представляя собой желанную награду [17, с. 131–132, 183]. В соответствии со ст. 237–239, 248 «Учреждения судебных установлений» все члены судебных палат состояли в одном и том же классе должности — пятом, председателям палат и их департаментов присваивался класс на порядок выше — четвертый. Судьи во время службы пользовались правами и преимуществами чина, соответствовавшего классу их должности, даже если их фактический чин был ниже. Члены палат могли быть повышены в чине по личному усмотрению императора. К примеру, в период с 1896 по 1917 г. император присвоил высокий чин тайного советника сорока одному члену судебных палат. Ежегодно в указанный чин производилось двое-трое судей, в 1904 г. он был присвоен шести судьям, в 1906 г. — четверым. Представляется, это было обусловлено, среди прочего, политическими мотивами [13, с. 127–129]. Присвоение чинов являлось, несомненно, одной из мер воздействия самодержавия на членов судебных палат, деятельность которых по рассмотрению дел о государственных преступлениях была очень важна. Что касается орденов, они являлись знаками принадлежности к орденской корпорации [17, с. 328]. Министерство юстиции ежегодно определяло количество должностных лиц судебных округов, которые могли быть награждены соответствующими орденами, председатели судебных палат представляли к награждениям членов палат в установленных пределах [11, с. 111]. Членам судебных палат ордена вручались с учетом межнаградного

срока, количества орденов, определенных для судебного округа, и иных критериев, среди которых, немаловажным фактором, как представляется, являлась лояльность к действующей власти. К примеру, член Иркутской судебной палаты Х.Ф. Колоколов имел ордена Святого Станислава 2 и 3 степени, Святой Анны 2 степени, Святого Владимира 4 степени [3, л. 122–122 об.]. Присвоение орденов членам палат, с одной стороны, являлось мерилем их заслуг. Но с другой стороны, механизм награждения орденами использовался в целях воздействия на членов судебных палат, которые, по замыслу самодержавия, должны были являться эффективным средством поддержания существовавшего строя.

Как отмечают исследователи, в 1880-х гг. изменились не только роль и место суда в государственном механизме, но и личностный фактор — отношение многих чинов судебного ведомства к своей профессиональной деятельности и состоянию дел в судах [15, с. 98–99]. Так, в одной из статей, опубликованных в «Судебной газете» в 1883 г., отмечалось следующее: представляется несомненной равнодушие судей ко внутренней деловой жизни суда или палаты или заведомое отречение от своих коллегиальных прав в пользу председателей по делам внутреннего судебного управления. Система управления судебной частью, выражающаяся в раздаче мест и повышению по службе не по трудовым заслугам каждого, не по способностям, не по юридическим познаниям, а по личному усмотрению лиц, вошедших в доверие министра юстиции, развила в среде судейского сословия дух карьеризма. Он низвел судейскую самостоятельность до обыкновенных административно-чиновничьих отношений и заставляет видеть в лице председателя суда не первого среди равных, а рычаг, посредством которого можно добиться перевода, повышения, награды, пособия, других земных благ. Результат этого таков, что в распоряжении председателей судов по вопросам, которые проходят через общее собрание, всегда послушное большинство. Фактическая власть председателей судов не имеет пределов, они не упускают случая и не разбирают способов к достижению своих личных целей [16, с. 12–13]. В юридической печати отмечалось, что в начале 1880-х гг. суды начали возвращаться к тем порядкам, которые напоминали дореформенные органы. Под воздействием власти, не заинтересованной в гласности, независимости судов, они снова стали скатываться к типу закоренелых бюрократических машин, в которых хорошо только власть имеющим [6, с. 13–14]. Характеризуя, к примеру, то, как было поставлено судоустройство в Московской судебной палате, Судебная газета в 1883 г. отмечала: члены палаты закрыты от публики каменными стенами, доступ к ним возможен был только по особому докладу. Чтобы подать в палату прошение, нужно ходить туда несколько дней. Если кому-то необходимо ознакомиться со своим делом, ему могли ответить, что дело у судьи дома, а в суде бывает в такие-то дни. Такое поведение

судей вызывало возмущения, многие задавались вопросом: это ли права, вытекающие из Уставов [7, с. 8–9]?

Таким образом, начиная с 1870–1880-х гг., самодержавие стремилось ограничить принципы независимости и несменяемости судей, сделать судей зависимыми от власти и управляемыми. Влиять на членов судебных палат было особенно важно для власти в силу их высокого места в судебной системе. Государство не решилось полностью поменять законодательство, закрепляющее демократические принципы, однако предпринимало меры, направленные на их ограничение. Также использовались такие эффективные способы воздействия, как присвоение чинов, награждение орденами, перевод на вышестоящую должность и др.

Список использованной литературы и источников

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 года за пятьдесят лет : в 2 т. — Пг., 1914.
2. О порядке издания общего наказа судебным установлениям и о дисциплинарной ответственности чинов судебного ведомства: закон от 20 мая 1885 г. // Полный свод законов. — Собр. 3-е. — Т. 5, № 2959.
3. Государственный архив Иркутской области. — Ф. 245. — Оп. 1. — Д. 369; Ф. 246. — Оп. 6. — Д. 19.
4. Астахов А. В. Судебные институты Омского судебного округа в конце XIX — начале XX вв.: структура, состав и функционирование: дис. ... канд. ист. наук / А. В. Астахов. — Омск, 2009.
5. Василевский А. Отзывы русских газет и журналов о судебной реформе / А. Василевский // Журнал Министерства юстиции. — 1863. — № 4. — С. 49–80.
6. Корреспонденции: письма из Москвы // Судебная газета. — 1883. — № 7 (13 февр.). — С. 13–17.
7. Корреспонденции. Письма из Москвы // Судебная газета. — 1883. — № 10 (6 марта). — С. 8-9.
8. Курас Л. В. Иркутская Судебная палата (1897 — февраль 1917 гг.) / Л. В. Курас, Т. Л. Курас, Н. Н. Щербаков. — Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2003. — 254 с.
9. Курас С. Л. Система управления в тюремном ведомстве дореволюционной России на страницах ведомственных изданий / С. Л. Курас // Власть. — 2016. — № 1. — С. 134–138.
10. Курас Т. Л. Кадровая политика самодержавия в судебных палатах Российской империи / Т. Л. Курас // Гуманитарный вектор. — 2011. — № 3 (27). — С. 57–61.
11. Курас Т. Л. Награждение орденами членов судебных палат в Российской империи / Т. Л. Курас // Сибирский юридический вестник. — 2010. — № 3. — С. 110–114.
12. Курас Т. Л. Общественная деятельность служащих судебных палат Российской империи (1866–1917 гг.) / Т. Л. Курас // Сибирский юридический вестник. — 2013. — № 4. — С. 16–22.
13. Курас Т. Л. Присвоение чинов членам судебных палат в Российской империи: сравнительная характеристика и значение / Т. Л. Курас // Власть. — 2010. — № 2. — С. 127–129.

14. Курас Т. Л. Судебные палаты в Российской империи: создание, сравнительная характеристика / Т. Л. Курас // Вестник ИрГТУ. — 2011. — № 10. — С. 309–310.

15. Немытина М. В. Суд в России: вторая половина XIX — начало XX вв. / М. В. Немытина. — Саратов : СЮИ МВД РФ, 1999. — 256 с.

16. Русская печать по законодательным и судебным вопросам // Судебная газета. — 1883. — № 10 (6 марта). — С. 12–13.

17. Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII — начало XX вв. / Л. Е. Шепелев. — СПб., 1999. — 350 с.

Информация об авторе

Курас Татьяна Леонидовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры судебного права Юридического института Иркутского государственного университета, Россия, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10, e-mail: tanya_kuras@mail.ru.

Author

Tatyana L. Kuras — Ph.D. in History, Associate Professor, Department of Justice, Law Institute, Irkutsk State University, 10 Ulan-Batorskaya St., Irkutsk, 664082, e-mail: tanya_kuras@mail.ru.

УДК 320:323 (571.74)
ББК 67

Е.Т. ПРОТАСОВ

ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАРЛАМЕНТА БУРЯТИИ (1938–1994)

Рассматриваются вопросы становления и развития Верховного Совета Бурятии как высшего органа государственной власти автономной республики, выполнявшего законодательные, представительные, контрольно-распорядительные функции. Отражена деятельность Президиума Верховного Совета, парламентских комиссий. Приводится сравнительный анализ качественного состава народных избранников. Уделено внимание работе по подготовке и внесению изменений в Конституцию республики.

Ключевые слова: Конституция, законодательные органы, сессии, депутаты, законы.

Е.Т. PROTASOV

LEGISLATIVE WORK THE PARLIAMENT OF BURYATIA (1938–1994)

Discusses the formation and development of the Supreme Council of Buryatia Republic as the Supreme body of state power of the Autonomous Republic performing legislative, representative and regulatory functions.